

Контрольные диктанты для учащихся 10- класса

Сентябрь:

В заброшенной усадьбе.

Обречённый судьбой на постоянную праздность, я не делал решительно ничего. По целым часам я смотрел в свои окна на небо, на птиц, на аллеи; читал всё, что привозили мне с почты; спал. Иногда я уходил из дому и до позднего вечера бродил где – нибудь.

Однажды, возвращаясь домой, я нечаянно забрёл в какую – то незнакомую усадьбу. Солнце уже пряталось, и на цветущей ржи растянулись вечерние тени. Два ряда старых, тесно посаженных, очень высоких елей стояли, как две сплошные стены, образуя мрачную красивую аллею. Я легко перелез через изгородь и пошёл по этой аллее, скользя по еловым иглам, которые тут на вершок покрывали землю. Было тихо, темно, и только высоко на вершинах кое – где дрожал яркий золотой свет и переливал радугой в сетях паука. Сильно, до духоты пахло хвоей.

Потом я повернул на длинную липовую аллею. И тут тоже запустение и старость, прошлогодняя листва печально шелестела под ногами, и в сумерках между деревьями прятались тени. Направо, в старом фруктовом саду, нехотя, слабым голосом пела иволга, должно быть, тоже старушка.

Но вот и липы кончились, я прошёл мимо белого дома с террасой и мезонином, и передо мной неожиданно развернулся вид на барский дом и на широкий пруд с купальней, с толпой зелёных ив, с деревней на том берегу, с высокой узкой колокольней, на которой горел крест, отражая заходившее солнце. На миг на меня повеяло очарованием чего – то родного, очень знакомого, будто я уже видел эту самую панораму когда – то в детстве.

Октябрь

Михайловские рощи.

Было раннее утро. Накрапывал дождь. Телега въехала в вековой лес.. В траве, на обочине дороги, что – то белело. Я соскочил с телеги, нагнулся и увидел дощечку, заросшую вьюнком. На ней была надпись чёрной краской.

Я отвёл мокрые стебельки и прочёл почти забытые слова: « В разные годы под вашу сень, Михайловские рощи, являлся я»

_ Что это?,- спросил я возницу.

Он улыбнулся:

-Михайловское. Отсюда начинается земля Александра Сергеевича. Тут всюду знаки поставлены.

Потом я натыкался на такие дощечки в самых неожиданных местах: в некошенных лугах под Соротью, на песчаных косогорах, по дороге из Михайловского в Тригорское, на берегах озёр – всюду звучали из травы, из вереска, из сухой земляники простые пушкинские строфы. Я изъездил почти всю страну, видел много мест, удивительных и сжимающих сердце, но ни одно из них не обладало такой лирической силой, как Михайловское.

В нескольких километрах от Михайловского, на высоком бугре, стоит Святогорский монастырь. Под стенами его похоронен Пушкин.

К могиле Пушкина надо идти через пустынные монастырские дворы и подниматься по выстроенной каменной лестнице.

Лестница приводит на вершину холма, к стенам собора. Под этими стенами, над крутым обрывом, в тени лип, на земле, засыпанной пожелтевшими листьями, белеет могила Пушкина. Короткая надпись: «Александр Сергеевич Пушкин», безлюдье, стук телег внизу под косогором, и облака, задумавшиеся в невысоком небе. Здесь конец блистательной, взволнованной и гениальной жизни. Здесь могила, известная всему человечеству. И здесь, на этой простой могиле, становится особенно ясно, что Пушкин был первым у нас народным поэтом.

С его могильного холма видны тёмные леса Михайловского и далёкие грозы, что ходят хороводом над светлой Соротью, над Савкином, над Тригорским, над скромными и необъятными полями, несущими его обновлённой и милой земле покой и богатство.

Декабрь

Ночь.

С горы открылись ночные леса. Они подымались над оврагами, наполовину засыпанными снегом. Они расстилались внизу, залитые голубоватым воздухом ночи. Это был величавый мир теней, припорошенных снегом пещер, беспечной хвои, непробудного сна.

В лесу послышался резкий звук. Он напоминал выстрел. Ночь будто вздрогнула, растревожилась и сделалась светлее.

Должно быть, от мороза затрещало дерево. Становилось прохладно, ночь напоминала собой переохлаждённую воду. Показалось, что стоит крикнуть – и эта ночь превратится в глыбу чёрного льда. А мы сами окажемся внутри ледяной глыбы.

Мы надолго задержались на Ручьёвой горе. Месяц спускался к земле, покрывался красноватым пеплом. Мои друзья забеспокоились. Надо было возвращаться – месяц скоро зайдёт, и в темноте будет трудно отыскать дорогу. Но страхи оказались напрасными. Дорогу освещали звёзды. Пылью пролёг через небо Млечный Путь. Зажёгся Сатурн. Но прекраснее всех были пепельный Юпитер и три звезды, притаившиеся рядом.

Возвращаться никому не хотелось. Прошли по парку, вышли к неприметной сторожке и заглянули в её низкие окна. Но та, кроме отражения звёзд в стёклах, ничего не увидели.

На притихшую землю опустилась насквозь прозрачная ночь. Месяц склонялся над пробегавшей здесь дорогой.

Безмолвие ночи, необычный её блеск, при котором были заметны даже засохшие стебли бессмертников, поразили нас. Мы вдруг осознали, что есть ещё на свете вещи, излечивающие несчастья, заставляющие забыть нелепые обиды, неудачи.

И эта белеющая просеками и заснеженными полянами, бесшумно рассыпающая звёзды, принарядившая задремавшую землю, возвращала спокойствие многим измученным душам.

Январь

Осенние мысли.

Вода звенела, как бы обрушиваясь в медный таз с бесконечной высоты. Этот звук разбудил Гарта и вызвал представление о солнечных зайчиках и безоблачном небе. Гарт повернул голову к окну, и предчувствие сбылось: безветрие и притихшая осень стояли над прозрачным городом.

Город был похож на прелестный театральный макет.. С домов осыпалась позолота, и только редкие пятна остались на розовой штукатурке оград.

Город был наполнен осенним сверканием.

По утрам оно покачивалось над потемневшими бухтами привычным серебрящимся дымом.

В полдень оно подымалось к зениту прекрасным жёлтым огнём. А вечером, окрашенное золотом приплывающих с юга облаков, оно долго и без устали боролось с отблеском сигнальных прибрежных фонарей, зажжённых на рейде.

Гарт с неподдельным интересом присматривался к приморскому городу, куда сбежал от прохладной с московской осени. Его радовала изорванность заросших берегов, беспредельная путаница разбросанных бухт и повороты выветренных лестниц. Он подолгу рассматривал каменистые дворы, наполненные шумом, голосами, голубоватыми рыбачьими сетями, впитавшими запах моря и сухой листвы. Его поражал причудливый план города, спрятанного в синий шар неба и моря.

Потом у себя в бесприютной комнате Гарт зарисовал карты придуманных им загадочных городов и отмечал места, где должны были произойти задуманные события из ещё не написанных рассказов.

Гарт присел в кожаное кресло и погрузился в свои мысли. Он читал, засыпал, просыпался, снова перечитывал книги и много курил. Сухой дым поднимался к потолку, завиваясь распадающимися кольцами.

Март

Утро.

Окна в сад были открыты настежь. Деревья раскинулись багряной листвой возле самых окон, и на заре, когда в опустевшем саду стало светло, птицы так чисто и звонко щебетали в кустах, что отдавалось в комнатах. С горы открывался обширный вид на живописную низменность, сверкающую разными яркими красками с раннего утра.

Всё было охвачено разливающимся по небу оранжевым светом зари: и синеватые леса в долине, и река, блестящая алой сталью в камышовых зарослях, и серебряный пар, поднимающийся кое – где от зеркальной воды. Легко и сильно шагая, Гриша спустился с горы и дошёл до глянцевого и резко пахнувшей сыростью траве до купальни. Раздевшись, слегка посвистывая, он вошёл в свежую воду и, сильно взмахнув руками, поплыл к тому месту, где чуть – чуть показавшееся на горизонте солнце задрожало огнистой полоской. Белые гуси с металлически – звонкими криками, распутив крылья и шумно бороздя воду, тяжело шархнулись у тростника.

У берега зашуршали камыши, и из них медленно выплыла лодка. Седенький старичок в поломанной соломенной шляпе сидел в ней, рассматривая удочку, а кругом тёплая, неподвижная вода блестела, словно зеркало.

Май

Тяжёлые, толстые стрелки часов на огромном циферблате, белевшем наискось от вывески часовщика, показывали тридцать шесть минут седьмого. В лёгкой синеве неба, ещё не потеплевшей после ночи, розовело одно тонкое облачко, и было что – то не по-земному изящное в его удлинённом очерке. Наги нечастых прохожих особенно чисто звучали в пустынном воздухе, и вдали телесный отлив дрожал на трамвайных рельсах. Повозка, нагруженная огромными связками фиалок, прикрытая наполовину полосатым грубым сукном, тихо катила вдоль панели; торговец помогал тащить её большому рыжему псу, который высунув язык, весь подавался вперёд, напрягал свои сухие, человеку преданные мышцы.

С чёрных веток чуть зеленевших деревьев спархивали воздушным шорохом воробьи и садились на узкий выступ высокой кирпичной стены.

Лавки ещё спали за решётками, дома освещены были только сверху, но нельзя представить себе, что это закат, а не раннее утро. Из – за того, что тени ложились в другую сторону, создавались странные сочетания, неожиданные для глаза, хорошо привыкшего к вечерним теням.

Всё казалось не так поставленным, непрочным, перевёрнутым, как в зеркале.

Он оглянулся и в конце улицы увидел освещённый угол дома, где он только что жил минувшим и куда он не вернётся больше никогда. И в этом уходе целого дома из его жизни была прекрасная таинственность.